

В „Похвале“ Борису и Глебу XII века Святополк Давидович Черниговский ставится в пример всем остальным князьям именно за то, что соблюдал интересы своих вассальных князей. Очевидно, что именно эти обязанности сюзерена больше всего нуждались в идеологическом обосновании в среде феодального класса. В этом особенность идеи единства Руси в среде феодалов.

Культе Бориса и Глеба неоднократно использовался для идейной защиты прав князя на свои вотчины. Когда сына Владимира Мономаха, Андрея Доброго, князя пытались выгнать из его вотчины и дать ему вместо Переяславля Курск, он сказал: „Отець мой Курьске не седел, но в Переяславли. И хочю на своей очине смерть прияти. Оже ти, брате, не досыти, всю землю Русскую держаще, а хочеш и сее волости, а убив мене — тебе то волость, а жив не иду из своее волости. Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же. Святополк про волость же ци не уби Бориса и Глеба, а сам ци долго поживе“.¹

В другом случае и при других обстоятельствах летописец говорит: „Лепо жити братьи единомыслено укупе, блюдучи отцества своего“.² Под „отцеством“ и здесь подразумевается летописцем вотчина.

Принцип, провозглашенный на Любечском съезде: „кождо держити очьчину свою“³ — это и есть главная идея культа Бориса и Глеба. Принцип этот послужил главным идейным основанием феодального дробления. В культе Бориса и Глеба это феодальное дробление нашло себе еще более авторитетное обоснование.

Говоря о раздорах рязанских князей в 1186 году, летописец снова вспоминает Святополка и его братьев Бориса и Глеба. Он осуждает старших князей, посягнувших на „меншею брату“.⁴

Характерно, что идеи сильной княжеской власти и объединения Руси на основе этой сильной княжеской власти, встретившие поддержку не только в феодальном классе, но и во всех прогрессивных слоях города и деревни, не опирались на культ Бориса и Глеба, ни словом не упоминали о необходимости „братолюбия“ в духе этого культа.

„Слово о полку Игореве“ в основном отражает народную идеологию. Оно не называет князей братьями, не упоминает о „братолюбии“, о культе Бориса и Глеба и пропагандирует необходимость соблюдения только вассальных обязательств князей по отношению к киевскому князю.

На северо-востоке Руси идеи сильной княжеской власти найдут себе опору не в культе Бориса и Глеба, а в культе Владимирской божьей матери. Эти идеи свяжутся не с пропагандой вассалитета-сюзеренитета, а с пропагандой министералитета, что получит свое отражение в „Молении“ Даниила Заточника.

Сильная княжеская власть опиралась на „служилое“ боярство, на торгово-ремесленную верхушку городов и на княжеских дворцовых слуг, получивших на Западе название министералов. Именно из последних образуется впоследствии мощная группа дворянства, впервые упомянутая в Лаврентьевской летописи под 1175 годом, в многозначительном, с этой точки зрения, рассказе об убийстве Андрея Боголюбского.⁵

¹ Лаврентьевская летопись, под 1139 г., стр. 307.

² Ипатьевская летопись, под 1146 г., стр. 233.

³ Там же, под 1097 г., стр. 167.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1186 г., стр. 400.

⁵ „Горожане же боголюбские и дворане разграбиша дом князь“ (Лаврентьевская летопись, под 1175 г., стлб. 369—370).